

С вершины сталактита упала капля воды, скатившись по кончику брови сидящего внизу человека и упав на его руку.

Хуайцзяо опустил голову, вытирая руку о штанину.

Он не знал, как описать своё текущее состояние. Десять минут назад, когда он сбежал из логова, он всё ещё отчаянно надеялся, что они найдут его как можно скорее.

После того как они вытащат его из пристанища чудовищ, они, вероятно, будут тревожно спрашивать о его злоключениях в пещере. А может, как и раньше, обнимут его, успокоят и объяснят, с какими опасностями столкнулись во время поисков и какие проблемы им пришлось решать.

Но уж точно всё должно было быть не так, как сейчас – с ехидными намёками в голосе и вопросом:

- Тебе понравилось, когда тебя считали самкой?

На штанине остался едва заметный влажный след от ладони. Ресницы Хуайцзяо дрогнули, опускаясь ниже, но он промолчал.

Наступившая тишина только подстегнула и без того нестабильные эмоции Шань Чи. Он стоял перед Хуайцзяо, глубоко выдыхая, пытаясь сдержаться – но комок ревности и досады, застрявший в горле, было невозможно проглотить.

Хуайцзяо лишь почувствовал, как пальцы, сжимавшие его подбородок, усилили хватку. Он нахмурился, пытаясь увернуться.

Но едва он сделал движение, та самая грубая ладонь, пропитанная мужским запахом, резко прижалась к его губам.

- Тсс, не кричи. Они придут.

Хуайцзяо и не собирался издавать ни звука. Но Шань Чи, сжимая его лицо, будто нарочно искажал его намерения, а запах, исходивший от его руки, настойчиво заполнял нос и рот Хуайцзяо, вынуждая его чувствовать собственный аромат.

- В логове чудовищ пахло сильнее, чем от моей руки? – Шань Чи заметил его дискомфорт. В его груди закипела ревность, но когда Хуайцзяо поднял на него глаза с недовольной гримасой, гнев внезапно сменился странным покалыванием.

- Шань Чи, хватит... – Юй Вэньцин, уловивший ненормальность в его тоне, понимал, что за эти четыре дня поисков и он, и Лань в той или иной степени потеряли контроль. Но сейчас определённо не время поддаваться эмоциям. – Остынь. Мы ещё не избавились от Белоснежки...

Шань Чи ещё мог бы сдержаться – если бы Юй Вэньцин не произнёс это прозвище.

- Конечно, не избавились.

Высокий мужчина присел на корточки, колени упёршись в землю перед Хуайцзяо, и его ледяной взгляд впился в лицо парня:

- Его самка убежала с нами. Если он взбесится – это ещё ничего.

Так же, как они сами когда-то.

После похищения Хуайцзяо, потеряв рассудок, они сознательно привлекали монстров, лишь бы быстрее его найти. Шань Чи уже не помнил, сколько уродов они с Ланем перебили. Столько огромных чудовищ, бросавшихся на них одного за другим... Ледоруб затупился, тело покрылось мелкими ранами. Чтобы поддерживать силы, приходилось экономить еду, и в конце концов они начали ловить рыбу в реке.

Ту самую пресную речную рыбу, что ел Хуайцзяо в пещере. У них не было огня, поэтому они лишь старательно промывали её и ели сырой.

Как тут не сорваться?

Из-за его позы расстояние между ними сократилось до минимума. Шань Чи держал Хуайцзяо за лицо, заставляя того смотреть ему в глаза.

Станным образом он поставил себя на место того монстра, словно их роли поменялись, и голос его звучал глухо, с нотками двусмысленности:

- Он относился к тебе как к сокровищу, да? Тащил припасы, разводил огонь, ловил рыбу...

Разделявал её на кусочки, жарил и посыпал специями.

- И сделал тебе гнёздышко.

Специально для своей самки.

Хуайцзяо хмурился, но не спорил. Всё это казалось ему до боли знакомым – будто уже множество раз он сталкивался с подобными сценами: ревнивый мужчина, обвиняющий его в чём-то.

И затем он услышал следующее:

- Он тебя там трогал? - спросил Шань Чи.

Его ладонь по-прежнему закрывала рот Хуайцзяо, оставляя лишь крошечный просвет для дыхания, а тяжёлый запах пропитывал всё вокруг. Дыша прерывисто, он продолжил:

- Чудовища любят строить гнёзда. И любят тебя. Он шёл за тобой так долго, трогал тебя у нас на глазах... А после похищения, наверное, не выдержал и стал требовать спаривания?

В огромном гнезде у реки, перед толпой уродливых тварей, он принёс Хуайцзяо, будто невесту – накормил, уложил на мягкую подстилку, а затем под возбуждённое шипение своих сородичей начал скрещиваться с красивым, беспомощным человеческим существом, совершая акт размножения, как животное.

- Шань Чи. - Раздался холодный голос Лана, будто предупреждающий.

Но он не стал вмешиваться дальше.

Потому что слова Шань Чи отражали и его мысли. Просто Лань, сдержанный и рациональный от природы, не позволял себе подобных высказываний.

На самом деле, все трое понимали – та одержимость, с которой пещерные чудовища

относились к самке, была ненормальной. Это был нездоровый фанатизм, более сильный, чем голод или сон. Физиологическая потребность.

Лань видел, как огромное чудовище прижималось к Хуайцзяо, его отвратительный, уродливый орган, напряжённый до предела...

Эта мерзкая штука касалась Хуайцзяо.

Одно лишь представление такого вызывало у Лана жгучую боль в груди, словно дыхание стало обжигать изнутри.

Шань Чи хотя бы мог выплеснуть эмоции наружу.

Но даже его слова были испытанием для разума.

- Я не могу спросить? - Шань Чи не остановился, будто игнорируя вмешательство Лана. - Хуайцзяо похитили. Разве я не имею права узнать подробности?

В пещере стало тихо.

Длинные ресницы Хуайцзяо дрогнули, как от дуновения ветра. Он вдыхал запах руки Шань Чи - почти такой же, как у Белоснежки. Каждый раз его заставляли чувствовать этот аромат. Он не привык, но узнавал его.

Шань Чи продолжал вглядываться в его глаза, будто пытался через зрачки увидеть его воспоминания. Его голос, холодный и чёткий, отражался от стен пещеры:

- Ты ведь понимаешь, да? Я раньше думал, что ты не догадываешься.

Именно поэтому он, как дурак, вспыхивал и лез в драку при виде Лана, целующего Хуайцзяо.

Но по сравнению с тем, что чудовище сделало с ним в гнезде - это вообще пустяк. Шань Чи не понимал, что именно он чувствует: ревность от того, что Хуайцзяо нравилась забота чудовища, или ярость от мысли, что его могли осквернить.

И теперь он лишь стискивал челюсть, делая бесстрастное лицо, и продолжал:

- Можешь рассказать, как Белоснежка обходился с тобой? В пещере такой сильный запах... Четыре дня - неужели он трахал тебя двадцать четыре часа в сутки?

- Раньше ты боялся его слизи и чешуи. А теперь? Привык?

- Ты пытался объяснить ему, что ты не самка? Сможешь? Он вообще поймёт? - К концу фразы Шань Чи уже несло неведомо куда. Его дыхание стало тяжёлым, а кислота ревности вот-вот вырвется наружу.

- Если б он умел говорить, ты бы, наверное, легче поддался на его уловки?

Он наклонился ещё ближе к Хуайцзяо, скрипя зубами:

- Боюсь, если б он тебя оплодотворил, ты бы просто плакал.

- Шань Чи!

- Хлоп!

Прежде чем Юй Вэньцин успел возмутиться, щеку Шань Чи пронзила боль, а голова резко дёрнулась в сторону.

- Достижение "Дрессировка собак младшей сестрой" (3/3) получено.

- Ах, наконец-то. Ждал этого весь сценарий.

- Кайф! Я с самого начала предвкушал.

- Ещё в начале мне было ясно, что Шань Чи не устоит. Ставка сыграла, братцы.

Даже Лань на мгновение остолбенел, увидев, как Хуайцзяо внезапно ударил Шань Чи по лицу.

Казалось бы, кроткий и мягкий парень - но если уж решил ударить, даже Юй Вэньцин и Лань не сразу осознали произошедшее.

Сам Шань Чи от удара оторопел, застыв с повёрнутой головой, никак не реагируя.

- Я с ним ничего не делал.

Рука, сжимавшая его лицо, инстинктивно ослабла. Хуайцзяо легко высвободился, стиснув губы. Лицо его побледнело.

По сравнению с двумя прошлыми сценариями, где он в ярости лупил без разбора, в этот раз Хуайцзяо действовал осознанно. Он не понимал, что за бред несёт Шань Чи, но чувствовал: тот просто выплёскивает злобу, словно нарочно провоцируя его.

Заставить Хуайцзяо разозлиться и оправдываться.

Удар был несильным. Просто в пещере эхо разносилось громче.

Он не хотел конфликтовать с ключевыми персонажами в месте, где сама жизнь под угрозой. Ему нужно было скорее выбраться и завершить сценарий. Но Шань Чи, словно назло, в критический момент затеял этот разговор с оскорблениями и унижениями.

Да, это были унижения, решил Хуайцзяо.

Будь ему по сюжету действительно двенадцать лет, он бы даже не понял намёков Шань Чи и просто слушал.

Когда Шань Чи повернулся обратно, Хуайцзяо всё ещё смотрел на него. Расстояние между ними не превышало полуметра. Получив пощёчину, он, странным образом, не чувствовал неловкости - только жар, разливавшийся по щекам.

Хуайцзяо скользнул взглядом по его лицу, слегка бледный, и тихо проворчал:

- Я с ним ничего не делал. Он приносил еду, потому что я был голоден.

- В пещере было холодно. Без огня и одежды я бы замёрз насмерть.

Опустив ресницы, он объяснил это коротко. Он не надеялся, что они поверят - ведь трудно представить, что в логове чудовища, считавшего его самкой, его никто не тронул.

Более того – ему там было комфортно.

– То есть... Белоснежка тебя не...– Шань Чи, присев на корточки, уставился на него с каким-то странным огнём в глазах, будто вообще забыв про пощёчину. – Он тебя не трогал? То есть... Ты вообще понимаешь, что это значит? Он ведь мог...

Не дожидаясь, пока Шань Чи выдаст очередную похабщину, Хуайцзяо тут же перебил:

– Нет!

Стиснув губы, под пристальным взглядом Лана, он быстро пробормотал:

– Он просто жарил мне рыбу, не обижал... А если делал что-то плохое, я плакал, и ему это не нравилось.

Хуайцзяо представил себя настоящим двенадцатилетним ребёнком и ответил так, как, по его мнению, ответил бы такой мальчик.

Ему казалось, он всё предельно ясно объяснил. Но Шань Чи, с красным от пощёчины лицом, всё ещё был не удовлетворён.

– Правда? Как именно он тебя трогал? Ты вообще понимаешь, что это значит?

– То есть... У тебя там болит, когда он засовывает свою грязную...

– НЕТ, НЕ БЫЛО! – Хуайцзяо покраснел до предела, почти срываясь.

Конечно, он знал! Если бы он не умел плакать, Белоснежка уже давно бы запихнул в него свою «грязную штуку».

А не просто терся чешуйчатым телом о его ноги.

– Откуда ты знаешь? Ты ещё маленький, как ты мог понять???

Брови Шань Чи резко взлетели вверх. Его будто скребло изнутри, словно царапала разъярённая кошка. Он давно чувствовал, что что-то не так. Деревенский парень по имени Ван Чжэн, этот чернокожий, называвший себя его братом – никакой он не брат, просто сосед.

А этот «простой сосед» всё время пялился на Хуайцзяо, называл его «Сяо Цзяо», словно жену, кормил с рук – будто Хуайцзяо сам не мог есть! И с самого начала он был настороже против приезжих, будто боялся, что они приблизятся к парню.

Чёрт побери! Может, этот чёрный мужик и вбил Хуайцзяо всю эту мерзость в голову? Иначе как такой малыш мог всё это знать?

Хуайцзяо решил, что Шань Чи после пощёчины повредился рассудком. Или он всегда был идиотом. Он уже предельно ясно дал понять, что ничего не было, но Шань Чи ухитрился найти в его словах какую-то зацепку и продолжил свои странные допросы.

И выглядел он даже более взвинченным, чем сам Хуайцзяо.

<http://bllate.org/book/14682/1308747>